

RU

Александр Проханов и Захар Прилепин: реализация «философии поступка» в прозе и публицистике

Татаринов А. В., Штейнбах К. В.

Аннотация. В статье рассматриваются художественные и публицистические тексты А. Проханова и З. Прилепина, демонстрирующие сознательную, многоплановую и разножанровую форму присутствия в историко-культурном процессе. Создание художественного текста – важный, но не единственный способ трансляции персональных идей. Цель исследования – выявление индивидуальных и общих особенностей художественного, публицистического и биографического сюжетов каждого из двух писателей. Научная новизна заключается в определении устойчивых художественно-публицистических историософских сюжетов Проханова и Прилепина, зачастую осуществляемых через специфический для каждого из двух авторов тип героя. Полученные результаты показали, что выдвигаемая гипотеза об осознанном построении двумя писателями исторически обусловленной судьбы, в которой литературное творчество согласуется с идеологией и политикой, подтвердилась. В построении художественных сюжетов при общей интенции авторов к синтезу с публицистикой Проханов склонен к повторяемости, в то время как Прилепин в каждом новом произведении обращается к иному жанру, герою, сюжету. Существенным отличием поэтики текстов также является различие в формах обращения к той или иной исторической фигуре. Между двумя писателями возможно установить не просто общие положения идеологии, но отношения преемственности. Общим для всех форм их присутствия остаются стремление к сильному государству, антилиберальность, синтез публицистического и художественного слова.

EN

Alexander Prokhanov and Zakhar Prilepin: The realization of the "philosophy of action" in prose and journalism

A. V. Tatarinov, K. V. Shteynbakh

Abstract. The article examines the artistic and journalistic texts of A. Prokhanov and Z. Prilepin, demonstrating a conscious, multifaceted and multi-genre form of presence in the historical and cultural process. Creating an artistic text is an important, but not the only way to convey personal ideas. The purpose of the study is to identify the individual and common features of the artistic, journalistic and biographical plots of each of the two writers. The scientific novelty lies in the definition of stable artistic and journalistic historiographical plots of Prokhanov and Prilepin, often carried out through a type of hero specific to each of the two authors. The results showed that the hypothesis put forward about the conscious construction of a historically determined destiny by two writers, in which literary creativity is consistent with ideology and politics, was confirmed. In the construction of artistic plots, with the general intention of the authors to synthesize with journalism, Prokhanov is prone to repetition, while Prilepin in each new work turns to a different genre, hero, plot. A significant difference in the poetics of texts is also the difference in the forms of addressing a particular historical figure. It is possible to establish not just general ideological positions between two writers, but relations of continuity. The desire for a strong state, anti-liberalism, and the synthesis of journalistic and artistic words remain common to all forms of their presence.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена сохраняющейся важностью идеологического аспекта русской литературы, которая определяет, наряду с другими задачами, необходимость системного исследования произведений художественно-публицистических жанров, в том числе Александра Проханова и Захара Прилепина как наиболее идеологически близких и влиятельных представителей правого фланга русской словесности. Оба ведут борьбу против фланга либерального, совмещая интересы художественного и идеологического дискурсов.

Поставленная цель определяет следующие задачи исследования:

- 1) определение наиболее характерных признаков поэтики творческих сюжетов А. Проханова и З. Прилепина;
- 2) анализ вовлеченности данных признаков в сферу понятия «философия поступка»;
- 3) анализ и сопоставление жанровой специфики творчества обоих писателей как формы репрезентации «философии поступка».

Предметом исследования являются творческие действия А. Проханова и З. Прилепина, позволяющие говорить о выборе эпико-героической формы присутствия в историко-культурном процессе.

Материалом данного исследования являются художественные и публицистические тексты А. Проханова и З. Прилепина:

- Прилепин З. Взвод. Офицеры и ополченцы русской литературы. М.: АСТ, 2017;
- Прилепин З. Есенин. М.: Молодая гвардия, 2020;
- Прилепин З. Именины сердца. Разговор с русской литературой. М.: АСТ, 2009;
- Прилепин З. Некоторые не попадут в ад: роман-фантазмагория. М.: АСТ, 2023а;
- Прилепин З. Непохожие поэты. Трагедии и судьбы большевистской эпохи. Анатолий Мариенгоф. Борис Корнилов. Владимир Луговой. М.: Молодая гвардия, 2015;
- Прилепин З. Обитель: роман. М.: АСТ, 2014;
- Прилепин З. Отец Эдуард и деда Саша на фоне космоса // Новая газета. 28.02.2008. https://www.ng.ru/ng_exlibris/2008-02-28/1_yubilei.html;
- Прилепин З. Проханов ковчег // Завтра. 22.02.2023б. https://zavtra.ru/blogs/prohanov_kovcheg;
- Прилепин З. Санька: роман. М.: АСТ, 2012;
- Прилепин З. Черная обезьяна: роман. М.: АСТ, 2011;
- Проханов А. Последний солдат империи. М.: Ад Маргинем Пресс, 2003;
- Проханов А. Симфония пятой империи // Завтра. 28.04.2024. https://zavtra.ru/blogs/simfoniya_pyatoj_imperii;
- Проханов А. Человек звезды: роман. М.: Вече, 2012.

Теоретической базой данного исследования стали ранние работы М. М. Бахтина (2022), работы Ю. М. Лотмана (1992), докторская диссертация Ю. М. Павлова (2004) об особенностях репрезентации художественной личности в русской литературе XX века, докторская диссертация Т. Е. Сорокиной (2011b) о специфике историсофичности современного русского романа.

Ключевыми методами данного исследования стали аналитический, необходимый для определения целостного сюжета каждого из писателей, и сравнительно-сопоставительный, обеспечивающий решение проблемы взаимодействия двух творческих сюжетов в области публицистики, в пространстве художественных текстов, публичной биографии.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования достигнутых выводов в преподавании русской литературы, при разработке и воплощении теоретических и практических курсов по новейшей русской прозе, публицистике, истории русской литературы и словесности, журналистике.

Обсуждение и результаты

Идеологический дуализм литературного процесса в отечественной культуре новостью не является. Противостояние славянофилов и западников, советских писателей и диссидентов – классическое явление раздвоенности, связанное с принципиальной сложностью взаимодействия России и Запада, постоянно возникающего вопроса о специфике Русского мира. В постсоветский период данная дуальность не исчезла, более того – в контексте актуальных политических процессов только обострилась.

Данная специфика русской литературы уже отмечалась в диссертационных исследованиях. Так, Т. Е. Сорокина в докторской диссертации «Художественная историософия современного русского романа» выделяет два направления современного русского романа, два идеологических дискурса – патриотический и либеральный. Каждый из них неизбежно входит в пространство художественного, на первый взгляд, текста: «...автор, оставаясь художником, подчас использует роман... для оформления своей личной позиции, собственного взгляда на историю, который автор не пытается скрыть» (Сорокина, 2011b, с. 31). Исследователь отмечает принципиальную важность дифференциации именно по идеологическим признакам, так как русский роман по определению не остается чисто эстетическим явлением, но часто переходит в публицистическую речь: «...многочисленные интервью писателей, выступления в прессе подтверждают, что их отношение (к) воссозданному в романах миру превышает эстетический интерес» (Сорокина, 2011b, с. 31).

Ю. М. Павлов в диссертации «Художественная концепция личности в русской и русскоязычной литературе XX века», рассуждая о литературе XX века в контексте православной культуры, вводит понятие «русской» литературы как явления, соотносимого с духовной сутью православия, и «русскоязычной», авторы которой «полностью утратили в своем творчестве гены отечественной культуры» (2004, с. 3) из-за приобщения к космополитической идеологии советского периода. Автор исследования подчеркивает, что введенное им разделение литературы обозначенного периода имеет строго идеологические основания: «...общим критерием при характеристике разных тенденций в развитии литературы XX века является духовно-метафизический критерий. То есть при анализе отдельных произведений и творчества писателя в целом решающим фактором является вопрос: как идеи, идеалы, утверждаемые посредством художественного слова, соотносятся с традиционными ценностями русской литературы» (Павлов, 2004, с. 4).

Формы воплощения идеологического содержания, неизбежно находящие выражение в словесном творчестве, мы и обозначаем как «философию поступка». Само понятие поступка как воплощающего саму суть той или иной личности деяния обозначает М. М. Бахтин в ранней работе, получившей название «К философии поступка». Поступок есть деяние, приобщающее личность в конкретном деянии к миру (по Бахтину – *другому*) и являющееся мерилom ее ответственности в бытии: «Истинно реален, причастен единственному бытию-событию только этот акт в *его целом* (курсив автора. – А. Т., К. III.), только он жив, полностью и безусловно есть, становится, свершается, он действительный живой участник события-бытия» (2022, с. 47). Ю. М. Лотман, рассуждая о взаимосвязи биографии и творчества, приходит к выводу, что ранее русское словесное творчество, даже не имея проявленного лица автора, по сути своей определялось именно идеологической составляющей: «Установка на семантику, представление о том, что собственно художественные задачи призваны служить религиозным, государственным и прочим, исключительно остро ставили вопрос об истинности текста и о праве данного человека выступать в качестве создателя текстов» (1992, с. 369). Позднее личность автора, наряду с транслируемыми ею установками и включенностью в собственную современность, становится одним из ключевых моментов, определяющих важность биографии и конкретного произведения: «Отличие “внебиографической” (кавычки автора. – А. Т., К. III.) жизни от биографической заключается в том, что вторая пропускает случайность исторических событий сквозь культурные коды эпохи... При этом культурные коды не только отбирают релевантные факты из всей массы жизненных поступков, но и становятся программой будущего поведения, активно приближая его к идеальной норме» (Лотман, 1992, с. 371). Таким образом, идеологическая принадлежность автора и текста в традиции русского словесного творчества воспринимается как ключевой аспект.

В контексте идеологичности можно говорить о правых и левых, патриотах и либералах, сторонниках Русского мира и западниках, консерваторах и реформаторах, но при любом терминологическом воплощении мысль о двух флангах новейшей словесности не теряет актуальности. На правом фланге находятся и Александр Проханов, и Захар Прилепин, продолжая оставаться соратниками в общем деле повышения статуса эпического дискурса, который противостоит постмодернизму и разнообразным формам риторики, связанным с ним.

Для обоих писателей характерно восприятие их произведений через сверхлитературную, идеологическую составляющую. О. А. Гримова, рассуждая оприятии читателем того или иного писателя через феномен литературной биографии, пишет, что в формировании позитивной идентификации того или иного писателя важно его восприятие не только лишь как сочинителя – в рассматриваемом ею случае рефлексия творчества Прилепина реализуется также через обращение к литературной классике: «Особенно значима в этом контексте идентификация писателя как “пророка”, причем у данной формулы, приложенной к современности, сохраняется весь изначальный спектр коннотаций – от провиденциальной сущности до призванности к выполнению социальной миссии» (2019, с. 119).

Говоря о формах идентификации данных писателей как провиденциальных фигур, стоит отметить, что еще в 2008 году Прилепин так обозначил форму существования своего соратника в статье «Отец Эдуард и деда Саша на фоне космоса»: «...эти (Проханов и Эдуард Лимонов. – А. Т., К. III.) просто не верят в священную миссию пишущего человека; нет такой миссии, дурь все это – есть куда более важные вещи. Например, судьба, страсть, Россия, смерть. Чтобы налететь на эти яростные скалы всем голым телом, неизбежно придется встать из-за письменного стола». Вышеупомянутая статья становится не просто текстом «по поводу» (на юбилей Проханова и Лимонова), но как будто заявкой на преемственность творческой биографии Прилепина, обозначенной уже в заголовке статьи, что позволяет воспринимать сходство биографии автора и объектов высказывания как осознанно воспринимаемые и принимаемые уже в качестве составляющих личного творческого метода.

Примечательно, что О. А. Гримова, анализируя тот же феномен представления биографии Проханова в оптике Прилепина в книге «Именины сердца. Разговор с русской литературой», рассматривает авторское видение уже, казалось бы, устоявшегося в своем смысле понятия: «...называя Проханова “звездой”, Прилепин создает для этой номинации такое лексическое окружение, которое лишает ее присущего данному определению статуса смысла (“слава, поддержанная скорее медиализованностью лица, чем его заслугами”), как бы производит реализацию метафоры, даже скорее метаморфозу, когда на наших глазах человек превращается в буквальную – астрономически буквальную – звезду: “Проханов стал, что греха таить, звездой: такой лохматой, грузной, с пышной гривой, обдающей то холодом, то жаром” (Цит. по: Прилепин, 2009, с. 15)» (2019, с. 122).

Для обоих мастеров словесности характерно комплексное, объемное присутствие в современности, предполагающее расширение понятия «литература», его концептуализацию в границах словесности, не уместяющейся в пространстве художественной прозы. С одной стороны, Проханов и Прилепин не ограничиваются созданием романов, издающихся достаточно высокими тиражами, и постоянно используют публицистические площадки, о чем мы будем говорить ниже. С другой стороны, стоит отметить, что романное творчество (например, «Последний солдат империи» и «Человек звезды» Проханова, «Обитель» и «Некоторые не попадут в ад» Прилепина) всегда отчетливо связано с решением идеологических задач. Так, «Последний солдат империи» – слово против разрушения Советского Союза; «Человек звезды» – филиппика в адрес «пермского проекта» Марата Гельмана; «Обитель» – реабилитация «советского проекта» перевоспитания человека, которое происходит в кризисных условиях; «Некоторые не попадут в ад» – художественно-публицистическое воссоздание военных событий на Донбассе в традициях близкого Прилепину «нового реализма».

Следует отметить и стратегически важное для отдельных средств массовой информации присутствие авторов. Так, больше трех десятилетий Проханов возглавляет антилиберальную газету «Завтра» (с 1993 года;

в 1990-1993 годах – «День»), сохраняя ее в роли самого заметного печатного органа правого фланга. Характерна и трансформация конкретизации газетной политики, выраженная в поэтапном изменении подзаголовка издания. С 1 января 1991 года это был лозунг «Нет» – гражданской войне в СССР!», который затем, после провала мятежа ГКЧП, сменился чуть более нейтральным «Газета духовной оппозиции» (с августа 1991 года), с которым газета и просуществовала до закрытия в октябре 1993 года (Струкова Е. 1992-1993. Издания сторонников Президента РФ и их политических оппонентов // Гефтер. 24.07.2013. <https://gefeter.ru/archive/9517?ysclid=m4yg8pbi84910244418>). С ноября 1993 года у газеты «Завтра» (или переродившийся «День») уже появляется подзаголовок «Газета Государства Российского» как знак изменения редакционной политики в сторону созидательно, а не критического подхода.

Примечательно, что в ранней версии газеты (начало 1991 года) ее главный редактор Проханов, являясь известным писателем и публицистом, не был политической фигурой. То же можно сказать и о значительной части публиковавшихся в ней авторов (В. Бондаренко, В. Распутин и др.). Уже после мятежа ГКЧП в 1991 году именно с целью политической борьбы в издании начинает спланироваться широкий спектр авторов и идеологий, находящихся на антилиберальных и антиельцинистских позициях: «Первоначально ни редактор газеты А. Проханов – известный писатель и публицист, ни наиболее частые гости на страницах газеты: В. Распутин, Д. Балашов, В. Клыков, В. Бондаренко и др. – не были политическими деятелями, но постепенно круг авторов и тематика расширялись. К 1992 году на страницах газеты выступают: Э. Лимонов, А. Невзоров, С. Кургинян, А. Дугин и др. <...> ...с весны 1992 года ни один номер газеты не обходился без материалов с участием известных деятелей политической оппозиции» (Струкова Е. 1992-1993. Издания сторонников Президента РФ и их политических оппонентов // Гефтер. 24.07.2013. <https://gefeter.ru/archive/9517?ysclid=m4yg8pbi84910244418>).

У Прилепина нет такой тесной связи с одним изданием, однако с июля 2012 года он стал шеф-редактором новостного сайта «Свободная пресса»; в заметке по поводу данного назначения была обозначена миссия издания, соотносящаяся с установкой «нового реализма» в художественной литературе: «...надеемся на остроту, оперативность, бесстрашие в обращении с потоком новостей» (Шаргунов С., Прилепин З. К читателю // Свободная пресса. 01.07.2012. <https://web.archive.org/web/20201026105558/https://svpressa.ru/society/article/56594/>). С марта 2021 года писатель стал владельцем другого новостного сайта, «Ваши новости», где также определяет редакционную политику. Примечательно, что, как и Проханов в период формирования газеты «День», нижегородский писатель привлекает в свое издание известных писателей и критиков «нового реализма» в качестве колумнистов. Среди таковых – Г. Садулаев, А. Колобродов, А. Рудалев и др. (Колумнисты // Ваши новости. <https://vnnews.ru/kolumnisty/>). Так или иначе, принцип один: по Проханову и Прилепину, литературное творчество не самодостаточно, его необходимо продвигать в контексте публицистических усилий, в том числе через создание концептуально выстроенных средств массовой информации. Тем самым и литературные проекты обретают большую художественную выразительность.

Философия поступка, соединяя художественное и публицистическое творчество, романы и газетную активность, переходит в идеологические и политические области. Так, в конце 2000-х годов Прилепин был способен, твердо придерживаясь собственной идеологии прагматического консерватизма, к некоторому взаимодействию с представителями других идеологий, в том числе либерализма, в поиске моментов согласия. Л. В. Зимина и Л. С. Янковская отмечают определенную тенденциозность Прилепина в выстраивании панорамы русской литературы конца 2000-х годов через серию интервью в книге «Книголет: разговор по душам с русской литературой»: «В ходе аналитических размышлений или бесед с коллегами по писательскому цеху Прилепин неизбежно делает акцент на наиболее близких и важных для него явлениях и понятиях, а порой и открыто заявляет что то или иное высказывание современника вполне созвучно его собственным мыслям» (2018, с. 28-29). Так как данное исследование не сосредоточено на конкретных пунктах этого согласия, мы не рассматриваем его в конкретном содержании – для нас гораздо примечательнее само существование данной формы утверждения себя и своей позиции в конкретном историческом моменте.

Все ключевые события эпохи получают развернутый комментарий Проханова и Прилепина. На протяжении десятилетий главный редактор «Завтра» формирует нарратив, который можно назвать имперским: государство должно постоянно прилагать усилия к созданию народа как сплоченного единой идеей сообщества, усилению его вовлеченности в исторические процессы: «Все великие дела русский народ совершил под водительством своего государства. <...> Под эгидой государства он торил дороги, возводил города и заводы, казармы и храмы» (Проханов, 2024). Такой народ способен к примирению разных идей, если они служат делу национального строительства в условиях неизбежного противостояния Западу. Однако, по мысли Проханова (2024), в противном случае, если государство пренебрегает своей миссией, замыкаясь на себе, история вновь обращается к своему кровавому витку: «Русская культура, которая нередко роптала на государство... не отрицала государство, а требовала от него божественной справедливости... Иначе народное терпение кончалось. И хижины объявляли войну дворцам».

В свою очередь, многие годы автор «Патологий» и «Саньки» выступает сторонником большой нравственной идеи: современный человек, испытавший воздействие разрушительного постмодернизма, должен найти в себе мужество к этическому становлению в новом режиме отношения к государству и общим ценностям как регуляторам, а иногда и ограничителям личных свобод. Подобный дуализм прилепинского героя как положительное свойство отмечает, в частности, К. С. Лицарева: «Успех у большого количества читателей и весь художественно-практический опыт Прилепина всё же убеждают, что в нынешней исторической ситуации герой нового реализма необходим. Именно сейчас окончательно оформился социальный заказ читающей публики: герой, наделённый сильной волей, жадной жить и побеждать, “затаившийся Илья Муромец”, соединяющий в себе и бунтарство, и созидательное начало» (2015, с. 34-35).

Следует обозначить эволюцию движения Проханова и Прилепина, которая в данном случае проявляет свою специфику в динамике решения проблемы «писатель и государство». С 1960-х годов до середины 1980-х Проханов – идейный государственник, апологет советского строительства как высокой формы русского традиционализма. Его произведения рассматривали в контексте городской, техно-урбанистической и военной прозы; Проханов может быть прочитан и в контексте социалистического реализма. Исходя из вышеизложенного, мы можем сказать, что он как писатель чужд любым формам диссидентства.

В годы перестройки, с началом становления новой элиты под руководством Горбачева, растет несогласие Проханова с курсом на демократизацию западного, прежде всего американского, типа, которую писатель начинает оценивать – и художественно, и публицистически – как предательство великой страны, теряющей свое значение в процессах извне, а также изнутри идущей колонизации. Начиная с романа «Последний солдат империи», в пространстве газеты «День» Проханов и его соратники выступают не просто критиками, а разоблачителями горбачевской и последовавшей ельцинской политики как проекта по демонтажу Советского Союза и русской культуры как системообразующей для страны, демонтажу, который происходит размеренно и методично, словно его осуществляет холодная машина – один из самых характерных образов для последующих художественных произведений писателя. «Разрушение централизма, а вместе с ним государства происходит по выверенному алгоритму, словно вся программа занесена на перфокарту и последовательность операции, ее ритмы и сроки есть результат рациональных, основанных на огромном потенциале усилий», – напишет Проханов в «Литературной газете» в самом начале 1990 года, за полтора года до прихода к власти Б. Н. Ельцина (Проханов А. Трагедия централизма // Литературная газета. 1990. № 1).

Пережив период недолгих репрессий (с кульминацией в 1993 году), прохановская газета и в целом его политико-публицистическая деятельность стали дидактическим центром национальной оппозиции. Казалось, что укрепившаяся за годы Чеченской войны оппозиционность станет для стратега и редактора «Завтра» пожизненной, но в XXI веке, особенно после второй Чеченской войны, начала борьбы с олигархической экономикой, после смены риторики по вопросам укрепления армии и нового, независимого вектора отношений с Западом, Проханов возвращается к апологии государственности (сначала скептической и осторожной, позднее – более очевидной). События Крымской весны становятся ключевыми для Проханова, знаменующими новый этап мифологизации государства (первый состоялся в 1970-е – 1980-е годы) как классической антагонистической силы в противостоянии с Европой и Америкой. После 24 февраля 2022 года, несмотря на постоянную критику писателем элит, этот процесс (учитывая усиление в «Завтра» Александра Дугина) выглядит как необратимый и достигший кульминации.

Путь Прилепина, который на 37 лет моложе Проханова, закономерно короче по уже состоявшемуся времени, но вряд ли проще по своей траектории. Партия Эдуарда Лимонова, как и жизнь самого основателя, сыграла немалую роль в формировании позиции нижегородского филолога, наделенного большим желанием участвовать в создании собственной судьбы как главного и самого востребованного произведения. Движение нацболов, служба в ОМОНе, участие в Чеченской войне – не столько знак асистемных или прогосударственных шагов Прилепина, сколько пребывание в областях риска, силы, воли и закалки характера. С одной стороны, подобный путь противостоит доминирующим тенденциям эпохи 1990-2000 гг. с ее культом аполитичности и гедонизма; с другой – это стремление именно к управлению данной эпохой, заинтересованность в подлинной координации доминирующего пути развития.

Эта антиномия (критика государства, противостояние ему – и одновременно понимание необходимости участия в его делах) провела Прилепина через протестное движение, привела к участию в партийном строительстве, пожалуй, более выраженном, чем у Проханова. Так, в феврале 2020 года нижегородским писателем (наряду с А. Бабаковым и А. Казаковым) была учреждена политическая партия «За правду» на основе существовавшего с осени 2019 года общественного движения с тем же названием (Захар Прилепин создаст общественное движение «За Правду» // ТАСС. 28.10.2019. <https://tass.ru/obschestvo/7051943>). Позднее, в начале 2021 года, данная партия для усиления политического влияния вошла в состав объединенной партии «Справедливая Россия – За Правду» (Терешков В. «Мы вообще за левое государство»: Захар Прилепин – о новой партии «Справедливая Россия – За правду» // RTVI. 21.01.2021. <https://rtvi.com/opinions/prilepin-levoe-gosudarstvo/>). При этом в составе обеих партий писатель и публицист не выступает с критикой действующей власти, а в некоторых положениях – фактически поддерживает проводимую ею политику: «Экспансия – дипломатическая, культурная, политическая, языковая, а в крайних случаях и военная – норма» (Винокуров А., Павловский П. Взаправду партия // Коммерсант. 03.02.2020. <https://www.kommersant.ru/doc/4241515>). Таким образом, можно увидеть, что после марта 2014 года движение Прилепина навстречу государству и его официальным институтам становится все более объемным, а по отношению к Донбассу – даже опережающим логику политических мер власти. Это, прежде всего, отразилось и в военной службе Прилепина на территории ДНР, и в других весьма многочисленных видах деятельности после начала СВО.

На фоне этих фактов стоит отметить, что Александр Проханов от участия в политических процессах часто дистанцируется, предпочитая пусть страстное, но всё-таки наблюдение непосредственному участию. Так, в советское время он так и не вступил в КПСС, обосновывая свое нежелание стремлением к свободе от политических обязательств: «Мой договор был не коммерческий и не политический, это было, что ли, бескорыстное служение: я так думал, и мне было интересно этим заниматься, я умел это делать» (Данилкин, 2007, с. 292). В другой, гораздо более ранней беседе со своим соратником Владимиром Бондаренко на вопрос об отсутствии желания стать политическим лидером писатель отметил ограниченность такой формы деятельности для себя: «Чисто

политический вариант... это упрощенная реакция на бытие. И довольно примитивной формы, жесткой и упрощенной» (Александр Андреевич Проханов: «Я пишу портрет государства» // Родная Кубань. 20.11.2023. https://rkuban.ru/archive/rubric/ot-pervogo-litsa/ot-pervogo-litsa_15767.html). Впрочем, на данный момент писатель входит в состав партии «Единая Россия» (Лица партии: Проханов Александр Андреевич // Единая Россия: федеральный сайт. <https://er.ru/person/f36e15f9-8246-43c3-a4db-b223cb311701>).

Небезынтересно представить и сопоставить ключевые идеи писателей. Пожалуй, легче будет выделить их в творчестве Проханова. Он представлен в самых разных художественных и публицистических текстах; наиболее подробно данный образ отражен в романе «Пятая империя» и концептуальной статье «Симфония пятой империи», которая отражает основные положения романа. На большой евразийской территории многие века строится государство, объединяющее народы Востока и Запада в системе ценностей, обладающей константными признаками: «Русская империя – это симфония пространств, народов, верований, культур, устремлений. Это симфония, где каждый звук сочетается с другим, усиливая его красоту, продлевая его, не давая заглухнуть, создавая неповторимую музыку русских сфер» (Проханов, 2024). Первой была Киевская Русь, принявшая византийское православие, шагнувшая навстречу Римской империи в ее позднем, христианском варианте. Начался синтез концепций разных племен и территорий. Имперская идея трудного, но разумного сосуществования Европы, Руси, ислама в еще более выразительном виде реализовалась в Московской Руси, которая во второй половине XV века стала осмыслять разрушение Константинополя и выстраивать собственную философию истории «Москва – Третий Рим». Эсхатологические мотивы, связь имперского и вместе с тем православного созидания с апокалипсисом в границах данной историософии не вызывали сомнения.

Формально Московское царство пало, идейно проиграло западничеству русской элиты первой четверти XVIII века, но духовно имперская идея собирания народов переродилась в Россию, построенную Петром Первым. В XIX столетии империю ожидал невиданный культурный расцвет. Но, увы, когда подошел конец этой эпохи, исчезла и она, исчезла в муках и кровопролитии, «рухнула в три февральских дня, нашла своё завершение в сыром подвале Ипатьевского дома» (Проханов, 2024). Важно, что Проханов видит в этой трагедии ее обоюдность, когда говорит о множестве жертв, но не указывает на кого-либо как на виновника, в сущности, признавая как объективную обусловленность данного периода, так и обоюдную вину сторонников старой и новой России. Писатель подчеркивает «взрывоопасность» данной темы с помощью выразительной метафоры: «От Балтики до Чёрного моря, от Карпат до Тихого океана русские люди рубили друг друга. И этот лязг топоров, если прислушаться, до сей поры нет-нет да и звякнет в выступлениях русских политиков» (Проханов, 2024).

Переходя к следующему этапу индивидуальной историософии Проханова, стоит уточнить, что писатель всегда подчеркивает, что Советский Союз, многое изменив в символах и духовной программе воспитания человека, уничтожив старую аристократию как класс, не отказался от имперской идеи, хотя само понятие «империи» и «имперскости» получило исключительно негативные значения в политической повестке Советского Союза. По Проханову, СССР – высшая точка Русского мира как государственного, идеологического образования, сумевшего выиграть самую тяжелую и важную войну во всемирной истории. Исходя из всех этих аргументов, задачей современного человека оказывается служение имперской идее на новом этапе – создание Пятой империи, синтезирующей все лучшее и жизнеспособное из арсенала предшествующих государств: Киевской и Московской Руси, Петербургской России, Советского Союза: «Я помню ниспадение страны в перестройку, когда исчезало государство, а вместе с ним и народ, превращаясь в бессмысленное, битое с толку толпище, и часы русской истории остановились. И как вдруг дрогнула их секундная стрелка, русская история очнулась, и из тьмы крошечной стало возникать новое Государство Российское» (Проханов, 2024). Эпический конфликт, неизбежно возникающий в ходе имперского строительства, требует смены настроения и преобладающего пафоса: диссидентство по отношению к российской власти должно смениться плотным взаимодействием с ней, если власть готова нести бремя масштабного противостояния с Западом. И этот конфликт воспринимается и как способ интерпретации основных исторических событий, и как дидактический принцип для современного человека.

Следует отметить, что идеология Проханова, изложенная выше, сохраняет значение для Прилепина практически в полном объеме. Прилепин (2023b) подчеркивает, что Проханов для него стал учителем: «Проханов был главным человеком в моём становлении. Не одним из – а главным. Далеко перейдя порог сорока, я спокойно именую себя его учеником, и смотрю на него всё с тем же восхищением, с которым смотрел три десятилетия назад».

Однако можно отметить и существенные отличия, внесенные более молодым писателем. Во-первых, Прилепин менее охотно использует религиозный дискурс, достаточно осторожно, кратко и без ярко выраженных эмоций высказываясь о православии. Во-вторых, левая идеология, предусматривающая принятие ценностей Октябрьской революции 1917 года, воплощена в идеале Прилепина с большей полнотой и со значительно меньшими сомнениями в значимости данной революции. В-третьих, рожденный в 1975 году и озабоченный сложными проблемами взросления своего поколения, автор «Греха» и «Восьмерки» много внимания уделяет тем проблемам, которые вполне укладываются в жанровую формулу «романа воспитания». В творчестве Проханова вместо «сюжета воспитания» реализуется «сюжет служения», что предусматривает меньший интерес к этапам идейного и социально-нравственного становления героя. В-четвертых, идеализация образа и дел Владимира Ленина вызывает у Прилепина вопросы у тех, кто настаивает на православной сущности русской государственности. Нужно отметить, что обращение к привычным политическим идеологиям практически отсутствует у Проханова, которому важнее образ той или иной исторической личности – не как реального ис-

торического лица, но скорее как аллегории определенной тенденции в политике, ориентации на централизацию или дезинтеграцию государства (что будет рассмотрено ниже).

Что же до восприятия героев русской истории в прозе Прилепина, писатель в своей книге «Некоторые не попадут в ад», выстраивая донбасский сюжет, эксплицитно и имплицитно ориентируется на образы во многом неоднозначных персон: Стеньку Разина, Махно, Ковпака и др. Обращаясь к образу Александра Захарченко, рассказчик и ему придает глубину и значимость через эксплицитное и имплицитное обращение к вышеуказанным фигурам. Глава ДНР как герой во многом обладает чертами не столько государственного деятеля, сколько харизматичного народного лидера, который и в бытовом, и в героическом контекстах являет признаки исключительности: «...он (А. Захарченко. – А. Т., К. Ш.) был огромный, как парус, – в него задувал ветер; он был из песни» (Прилепин, 2023а).

Предположим, что именно подобный интерес к выдающейся личности и ее значимости в конкретном историческом окружении приводит Прилепина к реализации в жанре биографии ряда выдающихся писателей, или, по выражению Е. А. Шаронова и А. М. Шаронова, в «интеллектуальной исторической реальности» (2019, с. 199). Стоит признать, что данная область в творчестве писателя весьма плодотворна: помимо более приближенных к классической форме биографического описания книг о Леониде Леонове, Сергее Есенине, Михаиле Шолохове, стоит вспомнить и менее цельные работы – «Взвод. Ополченцы русской литературы» и «Непохожие поэты. Трагедии и судьбы большевистской эпохи. Анатолий Мариенгоф. Борис Корнилов. Владимир Луговой».

Однако данная часть творчества писателя вызывает критику со стороны даже, казалось бы, соратников писателя из правого фланга русской словесности. Ранее уже рассматривалась негативная оценка прилепинского «Есенина» критиком и литературоведом Ю. М. Павловым, который обозначал множество недостатков данной книги с точки зрения биографического повествования: «Книги о писателях Павлов считает “самыми неудачными” в творчестве Прилепина. В “Есенине” обнаружены недобросовестное цитирование и тенденциозное отношение к источникам, беспочвенные фантазии... и многочисленные фактические ошибки» (Татаринов, 2020, с. 187). Как биограф, протоколист фактов Прилепин, вполне вероятно, относительно слаб. Однако мы оцениваем данную работу писателя с позиции цельности его словесного творчества и идеологической борьбы: «...перед нами манифест. Один из манифестов – и самого Захара Прилепина, и того идеологического фронта, который уместно называть “новым реализмом”» (Татаринов, 2020, с. 188). Нельзя забывать и о том, что фигура Сергея Есенина всегда была для нижегородского прозаика особенной: «Я начал читать Есенина в девятилетнем возрасте, занимался им всю жизнь, могу продолжить любое его стихотворение на память и сказать, в каком году оно было написано и плюс-минус при каких обстоятельствах» (Захар Прилепин о Есенине: «Он шел к своему финалу неумолимой заданностью» // Московский комсомолец. 03.10.2020. <https://www.mk.ru/culture/2020/10/03/zakhar-prilepin-o-esenine-on-shyol-k-svoemu-finalu-neumolimoy-zadannostyu.html>). Потому не можем не обратить внимания на то, что данная книга писателя становится глубоко авторским произведением, которое отражает не столько системную фактографию есенинской жизни, сколько трагическую историю поэта во всей ее противоречивости, развернувшуюся на фоне одной из самых сложных эпох: «Прилепинский Есенин... интенсивностью личной муки и силой поэтического мира благословляет историю. Доктора Живаго и мирное время едва ли устроит, этому Есенину – и революция в радость» (Татаринов, 2020, с. 188).

Добавим также, что тенденция к субъективности как стремлению уподобить биографическое повествование романному отмечается и в других научных работах: «...современные биографии “ЖЗЛ”, вполне усвоившие романтическую форму, читаются как исторические романы (иногда – как плутовские романы, но с активным историческим фоном) и этим отличаются от советских образцов, имевших очертания научного исследования. <...> Перечисленные книги (биографии авторства П. Басинского, З. Прилепина, С. Шаргунова и др. – А. Т., К. Ш.), разные по манере исполнения, по художественной концепции, по стилю, по авторской задаче, сходятся в следующем: они не настроены на подробное и последовательное перечисление фактов биографии известного человека. Сюжетами этих книг являются сюжеты жизни героев – подлинных исторических персонажей. Но жизнь эта живая, творящаяся ежеминутно, а не замурованная в архиве всем знакомых фактов» (Шаронова, Шаронов, 2019, с. 198).

Сопоставляя творчество Прилепина и Проханова в данном аспекте, стоит отметить, что Проханов тоже очень часто обращается к фигурам русской истории. Однако, как мы уже говорили выше, почти всегда это обращение носит характер обобщения и отражения конкретной эпохи, мифологизированной фигуры с четко определенной коннотацией. Так, фигура И. В. Сталина в романах и статьях писателя всегда будет упомянута только в положительном значении: «Сталин – это явление русской истории на всей её тысячелетней протяжённости. Сталин является аксиомой русской государственности» (Проханов А. А. Пятый Сталин. 2018. https://zavtra.ru/blogs/pyatij_stalin); «бриллиантовая звезда Сталин», «Сталин побудил народ совершить грандиозный прорыв»; именно Сталин «привёл русские армии в Берлин, в цитадель жестокого врага, и попрал красным знаменем Победы чёрные силы ада» и т. д. (Проханов А. Сталин земной и небесный // Изборский клуб. 20.12.2019. <https://izborsk-club.ru/18446>). В то же время М. С. Горбачев упоминается строго в отрицательном контексте: «...Горбачёв – это синоним зла» (Александр Проханов: Смерть Сталина меня не поразила // Познер Online. 29.12.2023. <https://pozneronline.ru/2023/12/36621>); «Горбачёв был раковой болезнью советского строя», «Горбачёв был хитёр и бесчестен», «Горбачёв был патологически тщеславен» и пр. (Проханов А. Трупные пятна истории. 2022. https://zavtra.ru/blogs/trupnie_pyatna_istorii). Проханов в художественном тексте обращается к той или иной исторической личности в той форме, которая позволяет почти безошибочно узнать ее, но ни разу не делал объектом своего преимущественного интереса какую-либо из них – в контексте интереса не к деяниям, но к сложности и богатству их земного пути. Другими словами, очень сложно, если вообще возможно, представить Проханова как создателя биографии какой-либо исторической личности.

В то же время для Прилепина, напомним, обращение к жизнеописанию известного писателя или поэта – многократно реализованный творческий сюжет.

В области поэтики у писателей больше различий, чем художественных сближений. В большинстве романов Проханова на первом плане оказывается достаточно рациональная мифопоэтика с акцентом на героико-эпическом векторе сюжета: противостояние Бога и дьявола, света и тьмы, добра и зла имеют определяющее значение. Прилепин, прежде всего опирающийся на опыт Эдуарда Лимонова, стоит у истоков «нового реализма» (вместе с Романом Сенчиным и Сергеем Шаргуновым) как автобиографического метода, возвращающего ценность событиям, совершающимся в данное историческое время. Именно на конкретности повествования у писателя делает акцент Т. Е. Сорокина в статье «Современный русский роман как явление историсофской идеи»: «Захар Прилепин стоит на реалистических позициях, избегает мистики, сатирического гротеска, интертекстуальности, мифологизма» (2011а, с. 67). Категорический характер конфликтности, дуализм мировосприятия в текстах Прилепина имеют значительно меньшее значение; основной конфликт становится не эпическим или мифологическим, а социально обусловленным: «Проблематика индивидуальной воли устремлена не к экстремальному, а к нормальному существованию. По Прилепину, молодежь включается в пространство решения исторических задач благодаря обыкновенному инстинкту выживания (речь о романе “Санькя”. – А. Т., К. Ш.)» (Сорокина, 2011а, с. 67).

Автобиографический дискурс, столь важный для многих произведений Прилепина, важен и для Проханова. Однако у последнего всегда сохраняется гротескное отстранение от реалистического письма ради создания сюжета, формально не связанного с жизнью автора, превращающегося в символического героя собственной истории. Проханов создает роман-проповедь, именно с этим связано большое число его произведений, где сюжет и герои обладают значительным сходством с ранее уже опубликованными работами. Прилепин старается сохранить связь с классическим письмом, когда каждый новый текст, будь то «Черная обезьяна», «Обитель» или «Ополченский романс», знаменуют отказ автора от серийности и стремятся утвердить художественную индивидуальность каждого произведения.

Заключение

Таким образом, после проведенного исследования мы пришли к ряду следующих выводов:

1. Прилепин и Проханов, оставаясь в границах литературного процесса, стремятся ко все более широкому присутствию в общекультурных границах и создают сложное единство, с одной стороны, публицистических и художественных текстов и, с другой стороны, собственной биографии; данное единство можно назвать «сверхлитературой».

2. Оба автора, сохраняя интригу в отношениях с властью, выступают как последовательные государственники, предстают ключевыми фигурами на консервативном патриотическом фланге новейшей словесности.

3. Сочетание художественного и публицистического дискурсов позволяет создавать запланированную двойственность текстов, когда роман входит в контекст идеологической реальности, а статья, эссе, газетная колонка или сетевой пост обретают эстетический потенциал.

4. Каждый из двух писателей вводит один характерный для своего творчества тип протагониста, который отражает их мировоззрение: герой-служитель у Проханова; харизматичный, витальный, авантюрный герой у Прилепина.

5. В то время как Проханов обращается к событиям русской истории почти всегда в обобщенном виде, Прилепин склонен представлять свои идеи через конкретное лицо, наделенное сложной и амбивалентной биографией.

6. Являясь сторонниками и стратегами имперской идеи, Проханов и Прилепин по-разному выстраивают главные художественно-пропагандистские сюжеты: первый делает акцент на универсальной русской религиозности, восходящей к православию и опирающейся на соборность; второй более сосредоточен на трансляции идей, связанных с Октябрьской революцией 1917 года.

В качестве перспектив дальнейшего исследования мы считаем необходимым проведение подробного анализа конкретных художественных произведений Проханова и Прилепина с целью определить типологическое сходство поэтики.

Источники | References

1. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Автор и герой в эстетическом событии / сост., коммент. и вступ. ст. Н. К. Бонецкой. СПб.: Алетей, 2022.
2. Гримова О. А. Литературный путеводитель как фактор формирования современной литературной репутации // Уральский филологический вестник. Серия «Русская литература XX-XXI веков: направления и течения». 2019. № 3.
3. Данилкин Л. Человек с яйцом. М.: Ад Маргинем, 2007.
4. Зиминова Л. В., Янковская Л. С. Самоидентификация Захара Прилепина в контексте современной русской литературы // Альманах мировой науки. 2018. № 2 (22).
5. Лицарева К. С. «Герой нашего времени» в прозе Захара Прилепина // Литература в школе. 2015. № 9.
6. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте: к типологическому соотношению текста и личности автора // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1.

7. Павлов Ю. М. Художественная концепция личности в русской и русскоязычной литературе XX века: дисс. ... д. филол. н. Краснодар, 2004.
8. Сорокина Т. Е. Современный русский роман как явление историософской идеи // Культурная жизнь юга России. 2011а. № 1 (39).
9. Сорокина Т. Е. Художественная историософия современного русского романа: дисс. ... д. филол. н. Краснодар, 2011б.
10. Татаринов А. В. Юрий Павлов и Захар Прилепин: драма на правом фланге // Творчество В. И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка: материалы IV всероссийской научно-практической конференции (г. Краснодар, 9 октября 2020 года). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020.
11. Шаронова Е. А., Шаронов А. М. Жанровая специфика русского исторического романа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 1.

Информация об авторах | Author information

RU**Татаринов Алексей Викторович¹**, д. филол. н., проф.**Штейнбах Кирилл Викторович²**^{1,2} Кубанский государственный университет, г. Краснодар**EN****Alexey Victorovich Tatarinov¹**, Dr**Kirill Victorovich Shteynbakh²**^{1,2} Kuban State University, Krasnodar¹ tatarinov1967@yandex.ru, ² ste1n1.kun@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 21.11.2024; опубликовано online (published online): 24.12.2024.

Ключевые слова (keywords): Русский мир; философия поступка; современная русская проза; советский дискурс; литературный процесс начала XXI века; Russian world; philosophy of action; modern Russian prose; Soviet discourse; literary process of the beginning of the 21st century.